

Создавая понятие «родина» Вступительные замечания к статье Т. К. Кораева «„Союз в рвении“, или „Молодая Турция“»¹

Андрей Тесля

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии
социально-гуманитарного факультета Тихоокеанского национального университета
Адрес: ул. Тихоокеанская, д. 136, Хабаровск, Российская Федерация 680035
E-mail: mestr81@gmail.com

В статье тезисно анализируются основные аспекты интереса к османской проблематике в отечественном интеллектуальном пространстве на протяжении XIX–XX вв. Обращается внимание на ориенталистский характер данного интереса и его взаимосвязку с трансляцией ориенталистских моделей описания на внутрироссийский материал, когда «внутренний наблюдатель» отождествляет себя с «Западом» (в силу чего при столкновении с взглядом извне возникает конфликт как реакция на объективирующее и гомогенизирующее описание там, где «внутренний наблюдатель» осуществляет дифференциацию). Сопоставление Российской и Османской империи в России редко выходит за рамки противопоставлений, тогда как при описании Османской империи российскими наблюдателями допускаются сближения и аналогии, построенные, однако, на принципиальной рассинхронизации: позиция наблюдателя в данном случае апеллирует к прошлому России (которое оказывается, по крайней мере, типологически соотносимым с Османской империей), тогда как в настоящем империи трактуются как несоизмеримые. Обращение к истории «Новых османцев» позволяет акцентировать близость проблематики, связанной с формированием и статусом «имперской нации». Основное внимание уделяется выработке понятийного аппарата («родина», «нация», «свобода» и др.). Транзит концепций и понятий в ситуации Османской империи 1850–1870-х гг. характеризуется одновременным присутствием широкого круга альтернативных вариантов формирования нового политического целого, которые в случае западноевропейской общественной мысли складывались на протяжении значительного периода времени и выступали последовательно. При этом в турецкой мысли данные концепции оказываются не только даны практически одновременно, но и нередко в творчестве одного и того же автора, в работах которого можно наблюдать ситуацию «перебора готовых вариантов».

Ключевые слова: «Новые османцы», национализм, Османская империя, турки, имперская нация, ориентализм

История Османской империи не часто привлекает внимание отечественных интеллектуалов. Как правило, «в фокусе» оказываются либо сюжеты русско-турецких конфликтов (при этом изложение действий и мотиваций противной сто-

© Тесля А. А., 2014

© Центр фундаментальной социологии, 2014

1. Исследование выполнено в рамках гранта Президента РФ №МК-2579.2013.6. Тема: «Социальная и политическая философия поздних славянофилов: между либерализмом и консерватизмом».

роны достаточно поверхностное, ограниченное политическим уровнем), либо те или иные эпизоды, имеющие ярко выраженный «ориентальный» характер. За исключением специалистов по истории Османской империи, ориенталистский взгляд остается едва ли не подавляющим. Это та оптика, которая (при всех сомнениях в статусе самого наблюдателя) позволяет «от противного» соотнести себя с воображаемым пространством «Запада». Подобная модель рассмотрения восходит к топике екатерининского царствования, когда на смену прежней, конфессиональной, интерпретации конфликта приходит новая, апеллирующая к противопоставлению цивилизации/варварства. В ней «христианство» переопределяется уже как признак «цивилизованности» или, во всяком случае, ресурс для последнего. Истинное христианство противопоставляется «фанатизму», свойственному как тем, кто ложно понимает христианство, так и мусульманам, что позволяет сохранить с пониманием ислама как «ложной религии»: если христианин, избавившись от заблуждений, становится терпимым, то мусульманин, именно истинно понимая свою веру, является нетерпимым.

Логика данного противопоставления остается неизменной независимо от оценок, даваемых каждому из членов. Так, леонтьевская «балканская» проза представляет восточный мир как привлекательный, персонажи, чем дальше они от полюса «Запад», получают тем более высокую оценку. Однако это — пересмотр оценок в рамках сохранения самой схемы. Отсюда же, из представления, что Российская империя сама слишком далеко продвинулась «на [современный] Запад», не похожа ни на свое прошлое, ни на тот мир, который, с явными чертами разрушения, все еще можно наблюдать в Османской империи, вытекает пессимизм Леонтьева в отношении будущего России. «Восток» здесь по-прежнему, если угодно, «отсталость», но — при перевороте оценок, когда прошлое «Запада» предпочитается его настоящему, «Восток» оказывается типологически ближе к ценимому Леонтьевым состоянию общества. Его «отсталость» (используя леонтьевскую терминологию, то обстоятельство, что он еще не вступил в состояние «вторичного упрощения» или не зашел в нем так далеко) является в леонтьевской системе координат его преимуществом.

У Лескова образы «турок» (как и «казахов») утрачивают дистанцию по отношению к «своему», мир «Востока» (как и мир степей: для литературы того времени, что французской, что русской, относится преимущественно к миру «Леванта», выступающего его «воображаемым центром», далее с той или иной степенью уверенности распространяясь на окружающее пространство), не противопоставляется «России», поскольку противопоставление это внутреннее. Лесков «открывает» «внутренний «Восток» России: граница проходит вертикально, между «образованным обществом», «интеллигенцией», «дворянами и чиновниками», с одной стороны, и «народом» — с другой. «Народ» оказывается столь же «ориентальным», как и «турок», и воспринимается как «естественное», «стихийное» начало. Он демонстрирует (нередко — весьма утонченную) «духовность» и в то же время — стран-

ное для наблюдателя-рассказчика² безразличие к добру и злу, нечувствительность к физическому насилию, физической боли (и чуткость к боли нравственной и/или духовной там, где ее не ожидает внешний наблюдатель). Лесковское противопоставление уравнивает «Восток» с «человеческим»: его «простые» персонажи находят язык, позволяющий им понимать и взаимодействовать друг с другом там, где «цивилизованный» герой либо не способен понять, либо способен лишь к отстраненному пониманию.

Если на взгляд «западного» наблюдателя и Российская, и Османская империи попадают в пространство «Востока» (достаточно вспомнить многосмысленный «комплимент» Вольтера Екатерине II, назвавшего ее «северной Семирамидой», или традиционные аналогии с «восточным» городом, ставшие топомом при описании Москвы европейскими путешественниками XIX — начала XX в.)³, то российским наблюдателям свойственно противопоставление в рамках «само собой разумеющегося». Характерно, что возможное попадание в один ряд попросту не дискутируется, противопоставление чаще присутствует в качестве неартикулированного, не нуждающегося в обосновании, а проявляется как реакция на «внешнее» сближение. Тем примечательнее столь же многочисленные образы «пограничья» в литературе путешествий и эпистолярной, авторы которых охотно отмечают близость или тождественность жизни по ту и другую стороны границы. Там, где они ожидают встретить контраст (или полагают такие ожидания у читателей), обнаруживается непрерывность⁴, непринужденность интонации, очерковость подчеркивают именно прочность противопоставления. Наблюдаемое сходство — лишь интересная деталь, «местная особенность» (даже если, например, тамошние крестьяне вроде бы не очень сильно отличаются от крестьян внутренних губерний, что могло бы позволить выстроить дальнейшую цепочку отождествлений), которая никак не затрагивает фундаментального разграничения, она идет «поверх» него.

Если сопоставления Российской империи с Османской редко выходят за рамки противопоставлений⁵ (интерес к последней сосредоточен либо на христианских святых местах и обителях, находящихся под ее властью, либо на быте христиан — в противном случае информация замыкается почти исключительно на Стамбуле,

2. Занимающего позицию «вовне», аналогичную европейскому путешественнику в Анатолии, знакомому с местными «нравами, верованиями и обычаями», и способного объяснить их парижскому или лондонскому читателю — одновременно дистанцируясь от него и симпатизируя описываемому. Но поскольку он не является частью последнего, это дает ему возможность говорить, объяснять, т. е. видеть, что в описываемом непонятно извне.

3. О «Восточной Европе» и о том, как пролегали/прокладывались воображаемые границы, см.: Вульф, 2003.

4. Примером, сочетающим принципиальное разграничение империй и единство на уровне «пограничья», могут служить письма И. С. Аксакова из Бессарабии 1848 г., где он рассуждает о казаках-некрасовцах, живущих под властью Порты, и угрозах местных жителей в случае продолжения притеснений уйти под власть султана (Аксаков, 1988: 450, 454).

5. В отличие от Московской Руси, где самым известным обращением к «турецкому опыту» являются сочинения Ив. Пересветова, для которого «Магомет-султан» выступает в качестве образца для подражания (см., напр.: Вальденберг, 2006: 264–271).

соединяя политические анекдоты с «очерками нравов»⁶), то обратный взгляд — из описания или анализа того, что происходит в Османской империи — допускает сближения, редко, впрочем, развертываемые дальше поясняющих аналогий. Так, К.М. Базили охотно сравнивает Махмуда II с Петром I (это сравнение воспроизводится несколько десятилетий спустя — в начале 1880-х его повторяет М. Чайковский, более известный как Садык-паша; см.: Чайковский, 1883⁷), а кровавую ликвидацию янычаров и реформу армии предсказуемо сопоставляет со стрелецкими казнями и заведением регулярных полков Петром I. Сопоставление в данном случае оказывается одновременно и дистанцированием — для понимания происходящего в Османской империи подходящей является аналогия с событиями в России полуторавековой давности, т. е. Порты находится в «другом времени», рас-синхронизирована с «Европой» и с «Россией».

Однако с точки зрения обнаруживаемых при сравнительном изучении сходств, аналогий и различий, история Османской империи представляет значительный интерес для понимания как общих процессов в этом регионе, так и процессов в Российской империи. Законное основание для попыток проследить аналогии дает сам тип данных образований — Российская и Османская, наряду с Австрийской, являются периферийными военно-аграрными империями, властвующими посредством системы косвенного управления, в первую очередь управления профессиональными сообществами, переживающими — одни чуть раньше, другие позже — структурный кризис, вызванный необходимостью перехода к прямому управлению (см.: Андерсон, 2010; Lieven, 2000 — рус. пер.: Ливен, 2007).

Изучение османской ситуации чрезвычайно ценно для анализа национализмов Российской империи. Обращение к этой проблематике позволяет выйти за пределы центрально- и восточноевропейских национализмов. Отметим, в частности, некоторую ситуационную близость не столько греческого, сколько сербского национализма⁸ и болгарского национального движения (см.: Макарова, 2010). К подобного рода исследованиям уже обращались, однако нельзя сказать, чтобы история османской общественной мысли, политических идей XIX века была детально проработана на современном (постсоветском) этапе османских исследований в России⁹. В еще меньшей степени она включена в «большой контекст» (чему препятствует в том числе и дисциплинарная специфика). Статья Тимура Кораева —

6. Самым популярным примером последнего рода были книги К. М. Базили (Базили, 1833, 1836).

7. О М. Чайковском и о его «Турецких анекдотах» см.: Жуков, 2010.

8. Греческий «национализм» отличался от сербского тем, что благодаря своей преимущественно «имперской» направленности ориентировался на «возвращение» себе империи, на переход греков от статуса «младшего соправителя» в Османской империи к статусу «правителя». С этим связаны долговременная напряженность и многократные попытки примирения двух ретроспектив: от античной Греции и от Византии (см.: Китромилидис, 2007). При этом первая реконструкция «традиции» обладала преимуществами с точки зрения обращения к «внешней», «европейской» аудитории, позволяя легитимировать собственные политические притязания на независимость и планы территориального расширения Греческого королевства, тогда как вторая имела преобладающее значение (через связку с Константинопольским патриархатом) как проект «пересоздания» империи.

9. См. библиографию к статье Т. К. Кораева.

одна из немногих публикаций, в которой дан подробный исторический обзор истории «Союза в рвении».

В истории «Союза», который называли «Молодой Турцией» («младотурками», «младоосманами») по прямой аналогии с «Молодой Германией», «Молодой Италией» и другими движениями национально-демократического толка, распространенными в Европе 1830-х гг., в первую очередь обращает на себя внимание темп перемен. Все участники «Союза» являются первым европеизированным поколением в своих семьях, они получили традиционное образование, заинтересовались и открыли себе доступ к новым идеям в Стамбуле — у всех, кроме формально не входившего в состав «Союза» Ибрахима Шинаси-эфенди, решающим был опыт взросления и осмысления ситуации уже после 1856 г., Парижского мирного договора и предшествовавшего ему издания Хатт-и-хумаюна. Если первый период Танзимата внушал надежды на быстрые перемены под руководством действующего правительства, то после 1856 г. Османская империя оказалась не только в ситуации резко ухудшающегося финансового положения (в конечном счете приведшего к государственному банкротству), но и — в рамках режима «капитуляций» и частичной утраты суверенитета. При этом в европейских провинциях одновременно укреплялись или формировались националистические настроения.

Опираясь на идеи Шинаси, завоевавшего к этому времени большой авторитет и обретшего вес в правительственных кругах, «Союз» стал организацией, объединившей османских интеллектуалов, которые стремились найти новое основание империи, поскольку прежние механизмы имперской интеграции перестали работать. Отсюда сосредоточенность на нескольких ключевых вопросах: 1) язык, 2) роль ислама — с одной стороны, возможность его использования для трансформации империи, с другой — пределы, в каких он сам может быть изменен в зависимости от поставленных целей, 3) формирование понятий «родина», «нация», «свобода» — обретение качественно нового концептуального аппарата. Характерно, что в рамках «Союза» одновременно возникают подходы, которым в дальнейшем суждено стать противостоящими позициями — от «османизма» (как «патриотизма», через сформированное понятие *ватан*, когда прежняя «малая родина» расширяется до современной *patria*) до первого варианта «пантюркизма», данного Суави, а Намык попытается создать синкретичный османско-исламский патриотизм, вводя вслед за Шинаси понятия «народ» (*халк*) и «нация» (*миллет*) и мысля фигуру падишаха как символическое единство *халк*'а, опираясь на переосмысляемую исламскую традицию, говоря о выборности падишаха (халифа) и т. д.

Для нескольких наиболее видных членов «Союза» последующие годы принесут также опыт эмиграции — непосредственного погружения в западноевропейскую интеллектуальную среду. Сама ситуация подталкивает к внешне поразительно быстрой «интеллектуальной эволюции»: это столкновение с расхожими европейскими идеями и концепциями, усвоение их как «готовых» и быстрая «примерка» к своей стране. Стремительная эволюция сменяется затем относительно долгой паузой — когда первые опыты уже не поверхностной «европеизации», не отдельных

реформ, а целостной перестройки Османской империи наталкиваются на принципиально отличный от ожидаемого опыт. Основным затруднением — и тем, что одновременно и порождало настоятельную политическую потребность, и формировало интеллектуальный запрос — была необходимость создать новую «целостность», опираясь либо на религиозную, либо на этническую принадлежность, модифицировать их и наделить политическим значением. Эта ситуация интересна еще и тем, что основные варианты представлены практически одновременно, как альтернативные модели, зачастую в работах одного и того же автора; это перебор способов решения фундаментального затруднения, отчетливо выявляющий взаимоувязанность всех основных вопросов XIX века — от исторического романа до языка проповеди и роли конституции.

Литература

- Аксаков И. С. (1988). Письма к родным. 1844–1849 / Изд. подгот. Т. Ф. Пирожкова. М.: Наука.
- Андерсон П. (2010). Родословная абсолютистского государства / Пер. с англ. И. Курилла. М.: Территория будущего.
- Базили К. М. (1836). Босфор и новые очерки Константинополя. СПб.: Тип. Н. Греча.
- Базили К. М. (1833). Очерки Константинополя. СПб.: Тип. Н. Греча.
- Вальденберг В. Е. (2006). Древнерусские учения о пределах царской власти: очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Территория будущего.
- Вульф Л. (2003). Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение.
- Жуков К. А. (2010). Вестернизация османского общества глазами польского ренегата: «Турецкие анекдоты» Михаила Чайковского (Садык-паши) // Христианство и русская литература: взаимодействие этнокультурных и религиозно-этических традиций в русской мысли и литературе. Сборник шестой. СПб.: Наука. С. 197–227.
- Китромилидис П. М. (2007). Эпоха Просвещения в Греции / пер. с новогреч. М. Грацианского. СПб.: Алетейя.
- Ливен Д. (2007). Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней / Пер. с англ. А. Козлика, А. Платонова. М.: Европа.
- Макарова И. Ф. (2010). Болгары и Танзимат. М.: ЛИБОРОКОМ.
- Чайковский М. (1883). Турецкие анекдоты. Из тридцатилетних воспоминаний Михаила Чайковского (Садык-паши). М.: Университетская тип.
- Lieven D. (2000). Empire: the Russian Empire and its rivals. New Haven: Yale University Press.

Making the Concept of "Patria": Introductory Remarks to T. Koraev's Article "'United by Enthusiasm' or 'Young Turkey'"

Andrey Teslya

Assistant Professor, Pacific National University

Address: 136 Tihookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation 680035

E-mail: mestr81@gmail.com

The paper briefly analyzes the main aspects of the interest in Ottoman agenda in the Russian intellectual environment during the 19–20th centuries. It pays attention to the Orientalist nature of this interest and its interrelation to the application of Orientalist models of description to the Russian agenda when an "internal observer" identified her/himself with "the West" (whereby, when external point of view was faced, a conflict arose as a reaction to objectifying and homogenizing description which emerged where the "internal observer" has accomplished differentiation). The comparison of the Russian Empire and the Ottoman Empire in Russia rarely went beyond oppositions, whereas describing the Ottoman Empire Russian observers allowed convergences and analogies built, however, on the essential mal-synchronization: the position of the observer in this case appealed to Russia's past (which was at least typologically correlated with the Ottoman Empire), whereas in the present Empires were treated as incommensurable. Turning to the history of "Young Ottomans" we are able to emphasize the closeness of issues related to the formation and status of "imperial nation". The paper mainly focuses on the development of the conceptual apparatus ("motherland", "nation", "freedom", etc.). The transit of concepts in the Ottoman Empire during 1850–1870's is characterized by the simultaneous presence of a wide range of alternative options to form a new political unity, which in the case of Western European social thought evolved over a considerable period of time and were consistent. In the Turkish thought these conceptions were present not only almost concurrently, but often in the works of the same author.

Keywords: Young Ottomans, nationalism, Ottoman Empire, Turks, imperial nation, Orientalism

References

- Aksakov I. (1988) *Pis'ma k rodnym. 1844–1849* [Letters to Relatives. 1844–1849], Moscow: Nauka.
- Anderson P. (2010) *Rodoslovnaja absolutistskogo gosudarstva* [Lineages of the Absolutist State], Moscow: Territorija budushchego.
- Bazili K. (1836) *Bosfor i novye ocherki Konstantinopolja* [Bosphorus and New Constantinople's Essays], Saint-Petersburg: Typographia N. Grecha.
- Bazili K. (1833) *Ocherki Konstantinopolja* [Constantinople's Essays], Saint-Petersburg: Typographia N. Grecha.
- Czajkowski M. (1883) *Tureckie anekdoty* [Turkish Anecdotes], Moscow: Universitetskaja typographia.
- Kitromilides P. (2007) *Jepoha Prosveshhenija v Grecii* [The Greek's Age of Enlightenment], Saint Petesburg: Aletejja.
- Lieven D. (2000) *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. New Haven: Yale University Press.
- Liven D. (2007) *Rossijskaja imperija i ee vragi s XVI veka do nashih dnei* [The Russian Empire and Its Rivals from the 16th Century to Our Days], Moscow: Evropa.
- Makarova I. (2010) *Bolgari i Tanzimat* [Bulgarians and Tanzimat], Moscow: Librokom.
- Valdenberg V. (2006) *Drevnerusskie uchenija o predelah carskoj vlasti: ocherki russoj politicheskoj literatury ot Vladimira Svjatogo do konca XVII veka* [Ancient Russian Doctrines of the Limits of Monarchical Authority: Essays on Russian Political Literature from Vladimir the Saint to the End of the 17th Century], Moscow: Territorija budushchego.
- Wolff L. (2003) *Izobretaja Vostochnuju Evropu: Karta civilizacii v soznanii jepohi Prosveshhenija* [Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Zhukov K. (2010) Vesternizacija osmanskogo obshhestva glazami pol'skogo renegata: "Tureckie anekdoty" Mihaila Chajkovskogo (Sadyk-pashi) [The Westrnization of the Ottoman society through the eyes of Polish renegade: M. Czajkowski's "Turkish Anecdotes"]. *Hristianstvo i russkaja literatura: vzaimodejstvie jetnokul'turnyh i religiozno-jeticheskikh tradicij v russoj mysli i literature. Sbornik shestoj* [Christianity and Russian Literature: Interaction of Ethnocultural, Religious and Ethical Traditions in Russian Thought and Literature], Saint-Petersburg: Nauka, pp. 197–227.